Евгений ВЕСНИК:

Жизнь есть самый великий театр

Веч. Москва. — 1998. — 15–21 янв. — С.12

Ужин с...

Хотя большинство зрителей знает Евгения Весника по кинофильмам (и неслучайно, ведь их в биографии актера более восьмидесяти — «Отелло», «Свет далекой звезды», «Новые приключения неуловимых», «Семь стариков и одна девушка», «Действуй, Маня!» и многие другие...), он прежде всего человек театра — не только актер, но и режиссер. Первая режиссерская работа — «Правда о его отце», потом были «Чудеса в гостиной» Лоусона, «Проделки Скапена» Мольера, по собственной инсценировке — «Господа Головлевы», а в начале 80-х совместно с Юрием Соломиным поставил «Ревизора». Работал в Театре им. Станиславского (где, кстати, в 1950 году шла пьеса Кальдерона «С любовью не шутят», в которой молодой Евгений Весник, ему тогда было двадцать семь лет, играл девяностолетнего Дона Педро), с 1955 по 1962 год работал в Театре Сатиры, затем в Малом театре, откуда ушел в 1990-м. За это время написал семь книг — мемуары, воспоминания, портреты друзей. Работает на радио и телевидении, продолжает сниматься в кино, а также занимается концертной деятельностью, выступает в эстрадных программах. Накануне своего 75-летия, Весник любезно пригласил меня на ужин. В промежутках между блюдами мы и поговорили.

— Евгений Яковлевич, интересно, что вы читаете на концертах, какие авторы нравятся публике?

— А не скажу. Это мой секрет.

— Хорошо. А допустимо ли, чтобы народный артист Советского Союза, актер академического театра выступал на эстраде?

— У меня есть свое, я бы сказал, специфическое отношение к вопросу о праве или необходимости участвовать артисту серьезного, глубокого театра в эстрадных концертах. Моя концепция заключается в следующем. Я считаю, актер просто обязан выступать на эстраде и играть в водевилях. Кстати, это не моя идея, а Станиславского, который говорил, что подготовка артиста драматического театра должна пройти через водевили для того, чтобы он мог раскрепоститься, обрести необходимую свободу, немножечко приобщиться к импровизации, что не всегда удается в театре, где ты скован драматургией, режиссерским рисунком. Поэтому к концертной деятельности я всегда относился как к некоему тренингу для артиста. Мне это очень помогало. Теперь, когда за плечами много-много лет, когда я уже на пенсии, я вспоминаю, что меня всегда отмечали как органичного артиста, естественного, раскованного. И мне думается, что это не только от природы, а еще от концертной практики. Я всегда увлекался поисками репертуара и всегда с огромной охотой шел на все приглашения.

— Какое место занимает классика в вашем репертуаре? Это я к тому, что вы ведь выступаете с коллективом «Юморина» на сцене Театра киноактера.

— Я всегда недалеко уходил от классики, читал на концертах рассказы Горького, Чехова, Зощенко, Аверченко и даже монолог Городничего. Помимо этого, я часто рассказываю, что смешного или трагичного произошло именно на этой сцене, именно в Театре киноактера. А таких историй хоть отбавляй. Могу хоть целый вечер рассказывать о своих знакомствах с Гариным, Папановым, Вертинским. Или, например, о том, что когда-то в подвале была бильярдная, где Олег Стриженов всех обыгрывал. А однажды был такой случай. В антракте за кулисы ко мне зашел уже довольно солидный человек и говорит: «Здравствуйте, Евгений Яковлевич. Я хочу принести вам извинения». Я спрашиваю: «За что?». «А вы помните, — говорит, — как в 67-м году, когда вышла картина «Трембита», вы ехали в метро и маленький мальчик крикнул: «Мама, посмотри, это дурачок Сусик едет!» — так вот это был я».

А что касается моего понимания профессии, то первое — это тренинг, то второе — отбор материала, и, наконец, третье — не гнушаться тем, чтобы тебе кто-то срежиссировал твой номер. Ведь многие актеры чрезмерно самонадеянны: они выучивают текст, набираются смелости и читают. Я прихожу в ужас от того, что Пушкина, нашего гениального Пушкина, читают все кому не лень. В общем, это хорошо, но не надо делать это публично. По телевидению. Это самодеятельность. Пушкина можно читать выдающимся актерам-чтецам. Я могу привести пример абсурда: жил-был один Ленин, а играли его на театральных подмостках и киноэкранах около четырехсот актеров. Я видел очень многих исполнителей, разъезжая по стране, и должен со скорбью признаться в том, что большинство из них вызывало чувство неуважения к этому, странному в их исполнении, человеку. В этой роли покорил меня один артист, он показал мне Ленина неважно себя чувствующим, почти растерянным, сомневающимся, в отличие от всех артистов, играющих Ленина-бодрячка, Ленина-сверхгения, Ленина-абсолютно уверенного в себе. Фамилия этого артиста Юрий Каюров.

— Причина, по которой вы ушли из Малого театра, личного характера или же это творческие разногласия?

— Мне не хотелось бы говорить на эту тему, потому что она слишком серьезна и сложна для нашей короткой беседы.

— Как вы считаете, при каком условии театр может умереть?

— Как это театр может умереть?! Как может умереть театр, когда жизнь человеческая есть сама великий театр. Обманывает продавец покупателя или, наоборот — это театр. Все играют какие-то роли. На телевидении играют роли преданности любым правителям... Лицедейство неистребимо. Театрализованные жизнью обманы, лесть, ложь, конфликты и так далее все время существовали и будут существовать.

— Любопытно, а сегодня зрители пишут письма?

— Пишут. Самое дорогое моему сердцу письмо я получил от радиослушательницы, которая сделала мне замечание по поводу неправильного произношения некоторых слов. Вообще больше других я ценю критические письма. Раньше получал их много от учителей, студентов и, конечно же, детей, ведь я сыграл более чем в двадцати детских фильмах. Очень трогательное письмо пришло после выхода фильма «Приключения Электроника» от тринадцатилетней девочки Лены из города Липецка: «Дядя, вы такой добрый, приезжайте к нам в школу преподавать математику. У нас такая злая учительница». Написано по-детски, конечно, но философски.

— Скажите, сыгранные роли меняют характер актера?

— Думаю, что нет. Я не верю актерам, которые говорят: «Меня изменила роль», и так далее. Или: «Я сыграл Отелло и стал другим». Шаманство! Можно приобраести знания, но не изменить характер.

— У вас много друзей?

— Нет, мало. Собутыльники были, в основном. Вообще друзей много не бывает.

— Что самое страшное может случиться с человеком?

— Разочарование... в государстве, в правительстве, в политике, в принадлежности к какой-то определенной партии, в жене, в близких друзьях.

— Какой ваш главный жизненный принцип?

— У меня их два. Думать одно, а говорить то же самое. Кроме того, как сказал Сенека, надо мужественно переносить то, что ты не сможешь изменить.

— За что вы поднимали бокал в новогоднюю ночь?

— За то, что закуска есть на столе.

Ольга ШИРОКОВА